

Доктор Дэйв Мэтьюсон, Герменевтика, Лекция 20,

Апокалиптика

© 2024 Дэйв Мэтьюсон и Тед Хильдебрандт

Другая особенность интерпретации и чтения эпистолярной литературы или посланий Нового Завета заключается в осознании того, что возможность включения в более широкую категорию писем или посланий в первом веке, но особенно в Новом Завете, заключается в возможности распознавания подтипов таким же образом, как и в Новом Завете. даже в наше время в более широкой категории писем у нас могут быть разные письма, которые можно написать члену семьи, будет сильно отличаться от письма-жалобы, которое можно написать в компанию, или письма, сопроводительного письма. для заявления о приеме на работу. Таким образом, в первом веке также, по-видимому, существовало несколько подтипов букв, которые также могли соответствовать определенным буквам Нового Завета. Например, просто чтобы дать вам пару примеров: Книга Филимону или Послание к Филимону, самое короткое письмо, написанное Павлом, по-видимому, довольно близко соответствует возможному подтипу письма, известному как рекомендательное письмо или письмо-рекомендование. введение.

И обычно это влекло за собой то, что автор, писатель, представлял или рекомендовал определенного человека кому-то другому, часто прося об одолжении и включая, намереваясь затем или обещая своего рода вернуть услугу получателю. Другими словами, когда вы читаете Послание к Филимону, Филимон или Павел представляет Онисима, другого главного героя, автором является Павел, но главным получателем является Филимон. Павел представляет Онисима Филимону, потому что Онисим, будучи рабом сбежавшего Филимона, теперь стал христианином благодаря служению Павла и обратился через него.

Теперь Павел пишет рекомендательное письмо или рекомендательное письмо, чтобы отправить его обратно и познакомить с Филимоном, получателем, а также просит Филимона об одолжении, обещая затем сделать что-нибудь для Филимона. Таким образом, это почти как если бы Филимон, читая это письмо, осознал свою обязанность ответить так, как просил Павел. Или, например, Послание к филиппийцам часто называют семейным письмом, соответствующим, имея определенные разделы, которые соответствуют так называемому семейному посланию, и некоторые языковые выражения, возможно, отражают это.

Пара букв может соответствовать так называемому завещанию, которое в первом веке было не столько письмом, сколько реальным литературным жанром, в котором завещание было своего рода последними словами умирающего героя, как человек находился на смертном одре, и его окружали семья и друзья. Это были последние наставления последователям перед смертью, которые включали в себя как увещевание, так и иногда эсхатологическое предсказание. Вы найдете по крайней мере две книги, которые, возможно, соответствуют завету, и одна из них — 2 Петра, глава 1, а стихи 14 и 15, похоже, отражают язык завета, то есть в некотором смысле Петра на смертном одре.

Теперь это его последние инструкции, поскольку он почти готов уйти из этой жизни. Это его последние наставления своим последователям, начиная со стиха 13. Я поддержу.

Это глава 1, 2 Петра, стих 13. Я думаю, что будет правильным освежить вашу память, пока я живу в шатре этого тела, потому что знаю, что скоро оставлю его в стороне, как ясно дал понять Господь наш Иисус Христос. меня, и я прилагаю

все усилия, чтобы после моего ухода вы всегда могли помнить эти вещи.

Подобный язык вы находите и во 2 Тимофею, так что оба этих письма, 2 Петра и 2 Тимофею, могут принять форму завещания в эпистолярной форме, то есть последних наставлений последователям этих людей непосредственно перед их смертью. .

Во 2 Тимофею Павел произносит своего рода последние слова перед казнью, и оба они могут быть классифицированы как завещательные письма, последние наставления умирающего героя или последние наставления Павла и Петра своим последователям. прямо перед тем, как они уйдут со сцены. Одна из проблем, связанных с эпистолярной литературой, заключается в том, как мы понимаем авторство. Просто очень кратко, как своего рода отступление, но касающееся вопросов жанра, потому что, что интересно, мы только что говорили о завещаниях.

Большинство завещаний, которые мы имеем в копиях, или я ранее ссылался на книгу Джеймса Чарльзворта, Псевдоэпиграфы Ветхого Завета, в этих томах вы можете найти ссылки на ряд завещаний, английские переводы ряда завещательных видов литературы. . Большинство из них известны как псевдонимные, то есть написаны от имени другого человека. Это более поздняя фигура, пишущая от имени или так, как будто более ранняя фигура пишет спустя много времени после их смерти.

Поэтому некоторые предполагают, что некоторые письма Нового Завета также могут быть псевдонимами. Возможно ли, что некоторые письма Нового Завета, например 2 Петра или 2 Тимофею, были написаны под псевдонимом? То есть, после смерти Павла и Петра, мог ли кто-нибудь из их последователей взять ручку и написать письмо от их имени? И поэтому никто бы этим не обманывался, никто бы не обманывался, думая, что это на самом деле

написали Петр или Павел, но по литературному жанру узнали бы, что от их имени пишет кто-то другой. Вопрос в том, был ли этот прием приемлемым не только в первом веке, но был ли он приемлемым приемом среди авторов Нового Завета? И было бы это приемлемым приемом в рамках канона Нового Завета? Я думаю, во-первых, что, вероятно, можно привести веские аргументы в пользу авторства всех писем названного человека, хотя я признаю, что Второе послание Петра гораздо сложнее, и даже некоторые христианские или евангелические ученые признали эту трудность, хотя хотя сохранив Питера как автора письма.

Но, во-вторых, мне неясно, что псевдонимность была бы приемлемым каноническим приемом, то есть приемлемым приемом, признанным среди авторов Нового Завета, особенно по мере того, как канон признавался и формировался, что те буквы, которые были бы псевдонимами, неясно, были бы они приняты и это было бы приемлемое устройство. Но с другой стороны, даже если мы отвергнем псевдонимность, то есть написание от чужого имени, опять же, спустя долгое время после смерти настоящего автора последователь или ученик взял бы перо и написал бы от имени этого человека, даже если мы отвергаем тот факт, что, как мы уже видели, нет необходимости считать, что авторы физически написали каждое последнее слово, найденное в *Emanuensis*. И это иногда могло объяснить разницу между буквами.

Некоторые люди считают, что Петр не мог написать Второе послание Петра, потому что богословие другое, язык и стиль совсем другие. Некоторые полагают, что это можно объяснить использованием другого *Emanuensis*, а иногда и *Emanuensis*, то есть писца или секретаря, которому вы диктуете письмо. Иногда некоторым из них, возможно, предоставлялось немного больше свободы, так что они, возможно, составили бы большую часть письма, но автор все равно подписал бы это письмо.

Итак, еще раз, то, что написано, - это именно то, что Павел, или Петр, или кто-то еще хотели написать и подписали бы и согласились как точно передающее то, что они хотели сообщить. Мы видели это в главе 16 Послания к Римлянам и в стихе 22, где Терций упоминается как автор или, возможно, писец или *Emanuensis*, который фактически написал письмо. Мы находим еще кое-что очень интересное в паре посланий Павла, один пример в Послании к Галатам в самой последней главе, глава 5, извините, глава 6. И обратите внимание, что говорит Павел, я начну с, начну читать с главы 6 примерно в 11 стихе.

Он говорит, посмотри, какими большими буквами я пишу тебе собственноручно. Возможно, это относится ко всему письму, но возможно ли, что это отражает то, что вы иногда видите в других древних буквах? И это происходит ближе к концу письма, когда автор диктовал письмо писцу или *Emanuensis*, автор часто брал перо и подписывал его от своего имени или произносил приветствие от своего имени. Так возможно ли, что к Галатам, когда вы дойдете до главы 6 и стиха 11, Павел сам возьмет перо, напишет последнее приветствие и закончит письмо? Таким образом, эпистолярная литература создавалась разными способами, в основном с использованием *Emanuensis*, писца или чего-то в этом роде, что иногда могло объяснить некоторые различия, которые можно обнаружить в письме.

Но я буду исходить из предположения, что письма Нового Завета были созданы людьми, написаны людьми, имя которых они носят во вступлениях к письмам. Еще одна особенность, которую следует упомянуть, прежде чем мы просто рассмотрим несколько принципов интерпретации эпистолярной литературы, заключается в том, что я уже выразил свои предостережения и опасения по поводу риторических подходов, то есть определения писем, особенно писем Павла, как примеров риторических речей. совещательные речи, или судебные

речи, или эпидейктические речи. Не то, чтобы между ними не было каких-то сходств и не то, что не может быть какой-то ценности в сравнении их функции с определенными частями посланий Павла, не то, что Павел никогда не использует риторическую аргументацию или что-то в этом роде, но мне кажется, что это Я думаю, сомнительно брать риторические речи первого века и навязывать их новозаветным письмам.

Вместо этого, опять-таки, если посмотреть на формальные особенности писем, когда посмотреть на подсказки, которые оставляет сам автор, то окажется, что авторы Нового Завета пишут не что иное, как бы ни отличались они, они пишут не что иное, как типичный Письмо первого века, со вступлением или приветствием, благодарением, основной частью, заключением и приветствиями, а также с использованием типичных приемов, указывающих на то, что они действительно делают именно это. Поэтому я не буду повторять свое обсуждение или аргументы в пользу того, что Павел писал главным образом послания первого века, а не риторические речи. Позвольте мне закончить тем, что просто обобщим все это и выделим лишь несколько принципов или указаний по чтению и интерпретации писем первого века, которые возникли из той литературы, которой они являются.

Прежде всего, при интерпретации писем первого века важно восстановить историческую обстановку и события. Мы уже упоминали, что письма Нового Завета носят весьма случайный характер и являются ответами на конкретные проблемы и проблемы ранней церкви. Итак, основываясь на самом письме и на любой информации, которую мы можем собрать о ситуации первого века, важно попытаться реконструировать, какая, скорее всего, была проблема, проблема или ситуация, к которой обращается Павел, или Петр, или Иаков, и тогда как письмо воспринимается как ответ на это?

Во-вторых, я думаю, что также важно следить за аргументацией письма, чтобы отметить, как развивается мысль. Опять же, в еще большей степени повествование задает вопрос о том, как формируются предложения и предложения, как на уровне предложения и стиха, но также и на уровне абзаца, быть в состоянии объяснить, как развивается аргумент, иметь возможность проследить аргументация письма из раздела в раздел. Например, просто чтобы дать вам очень быстрый пример, текст, к которому мы вернемся позже, но ближе к концу этого курса, но в главе 6 Послания к Римлянам и стихах с 1 по 11 мы находим хороший пример того, как это Важно проследить аргументацию текста.

Прежде всего, глава 6 Послания к Римлянам начинается с типичного формата вопросов и ответов, которому следует Павел. Об этом можно сказать больше, о чем мы скажем позже, но часто Павел поднимает вопрос, который выглядит как потенциальное возражение против того, что он только что сказал, и затем отвечает на этот вопрос. Итак, обратите внимание на первый стих главы 6. Что нам тогда сказать? Должны ли мы продолжать грешить, чтобы возрастала благодать? Вот вопрос, который он поднимает.

Первое, что следует отметить, это то, что оно основано на чем-то, что ранее сказал Пол, и это, вероятно, просто способ Пола предвидеть возможные возражения, которые могут возникнуть у читателей, не обязательно реальные возражения, которые могли быть высказаны, хотя это могло бы, но, вероятно, это просто способ выдвинуть возможные возражения, которые могут возникнуть у кого-то, особенно у его читателей, но также использовать их для продвижения своих собственных аргументов. Итак, если вы посмотрите на 6-ю главу, этот вопрос, будем ли мы продолжать грешить, чтобы возрастала благодать, вероятно, вырастает из чего-то, что он сказал еще в 5-й главе, в стихах 20 и 21, самых последних двух главах. Он говорит: закон прибавился, это

5 глава Римлянам стих 20, закон прибавился для того, чтобы умножалось преступление, а где умножался грех, там еще более возрастала благодать, так что, как грех царствовал в смерти, так и благодать могли бы царствовать через праведность, чтобы принести вечную жизнь через Иисуса Христа, Господа нашего.

Итак, возможное возражение или возможный вопрос, который можно было бы поднять: ну, если 20 верно, если там, где увеличивается грех, увеличивается еще больше благодать, должен ли я грешить больше, чтобы благодать могла еще больше возрасти? И именно этот вопрос поднимает Павел: будем ли мы продолжать грешить, чтобы возрастала благодать? Остальные стихи, остальную часть этой главы, стихи со 2 по 11, можно рассматривать как ответ на этот вопрос, как ответ. Нет, на самом деле ответ в двух формах, своего рода первоначальный порыв, ни в коем случае, не может быть, с последующим логическим объяснением. Мы не можем продолжать грешить, потому что мы соединились со Христом, умершим для греха.

Мы умерли для греха, потому что мы соединились со Христом, который сам умер для греха и воскресил нас, чтобы мы жили в обновленной жизни. Это делает этот вопрос абсурдным. Поэтому важно иметь возможность проследить ход спора, понять, как он протекает и насколько он соответствует.

Мы поговорим об этом подробнее, когда будем рассматривать вопросы литературного контекста позже в следующем занятии. Поэтому важно уметь следить за аргументом, прослеживать его, не просто резюмировать содержание, но и уметь объяснить, как он развивается и как автор развивает свой аргумент и свою точку зрения. Третий, третий важный принцип интерпретации эпистолярной литературы — это, опять же, осознавать, с каким разделом вы имеете дело.

Если вы интерпретируете текст, имеете ли вы дело с текстом, который является частью благодарения или частью тела, частью увещевания, и какую разницу это может иметь в том, как вы его читаете. Опять же, особенно, расширил ли автор что-то и делает ли что-то уникальное. И затем, в-четвертых, посмотрите, принадлежит ли ваше письмо к какому-то поджанру, например, письмо Филимону, возможно, принадлежит к жанру, поджанру, известному как рекомендательное письмо, и может ли это повлиять на то, как вы интерпретируете послание. .

Третий литературный жанр, или, точнее, я бы сказал, третья, а лучше, третья книга, которая представляет по крайней мере два или три жанра Нового Завета, — это Книга Откровения. Книгу Откровения, кажется, можно идентифицировать, хотя я не уверен, что первые читатели четко разделили бы все три из них, но три литературных типа, которые, кажется, возникают из текста Откровения, — это то, что известно как Апокалипсис. и Пророчество и письмо. Сам автор, как мы увидим, четко идентифицирует свое произведение как пророчество, и оно фактически начинается и заканчивается точно так же, как одно из посланий Павла, а также вписывается, имеет, кажется, характерные черты, особенно в главах с 4 по 22, кажется иметь характерные черты древнего письма, которое мы назвали Апокалипсисом.

Мы рассмотрим это через мгновение. Трудность заключается в том, что хотя бы с одним из них нет точной аналогии в нашем современном мире. Другими словами, мы знакомы с буквами, мы пишем и читаем буквы, но когда вы в последний раз сидели и читали Апокалипсис? Или когда вы в последний раз сидели и писали кому-нибудь Апокалипсис? Так что жанровая критика или понимание литературного жанра здесь очень важны и помогают нам, особенно в этой книге, избежать недоразумений.

Как мы уже говорили, литературный жанр функционирует главным образом как своего рода точка входа в жанр, помогающая нам встать на правильную ногу, правильно начать интерпретацию книги, хотя он и не решает всех проблем интерпретации. трудности, за которыми еще приходится следить внутренне, как развивается и разворачивается книга, это своего рода свой внутренний жанр. Но обычно неправильное понимание Книги Откровения происходит из-за неспособности отметить эти три жанра — Апокалипсиса, Пророчества и Послания, а также из-за неспособности распознать их или неправильно понять, что они из себя представляют. Часто неспособность понять все три из них и то, что это за книга, приводит к неправильному пониманию Откровения, особенно на популярном уровне, где Откровение используется для совершения всевозможных странных вещей.

Но что мы хотим сделать, так это кратко, как своего рода отправную точку в Книге Откровения, кратко описать эти три литературных типа, эти три литературных жанра. Опять же, Откровение явно предназначено для чтения как послания или письма. Фактически, когда вы читаете самое начало, самую первую главу, по крайней мере, начиная с 4-го стиха, создается впечатление, что вы в каком-то смысле читаете одно из посланий Павла.

Обратите внимание, что в стихе 4, Иоанн, есть отождествление автора семи церквям в провинции Азии, там отождествление читателей: вам благодать и мир. Похоже на одно из писем Пола. Но обратите внимание, как это расширяется.

Опять же, так хотелось бы, я бы настроил и обратил на это внимание. Благодать и мир, приветственная часть расширяется. Благодать и мир вам от Того, Кто есть

и был и грядет, и от семи духов перед престолом, и от Иисуса Христа, Который есть верный свидетель, Первенец из мертвых и Владыка царей земных.

Возлюбившему нас и кровью Своей освободивший нас от грехов наших и соделавший нас царством священников, чтобы служить Богу и Отцу Своему, Ему слава во веки веков, слава и держава во веки веков. Аминь. Итак, это ваше эпистолярное вступление, приветствие.

Обратите внимание: Откровение заканчивается как обычное письмо. На этом заканчиваются стихи 20 и особенно 21. Аминь, приди, Господь Иисус.

Стих 21: благодать Господа Иисуса да будет с народом Божьим. Аминь. Это распространенный способ обнаружить, что письма Нового Завета закончились.

Таким образом, Откровение явно предназначено для чтения как письма. И я не думаю, что это несущественно. Я считаю неправомерным игнорировать это и игнорировать это.

Но во-вторых, обратите внимание, что автор явно намеревается или ясно указывает, что собирается написать пророчество. Обратите внимание на первые пару стихов этой книги, особенно на третий. Блажен тот, кто читает слова этого пророчества, и блаженны те, кто слышит его и принимает близко к сердцу то, что в нем написано, потому что время близко.

В главе 22 он снова обозначит самый конец книги, что-то вроде подставки для книг, самый конец книги, он назовет свою работу пророчеством и предупредит тех, кто слышит слова этого пророчества, не игнорировать их и не подчиняться. их. А также в другом месте 22-й главы ясно определяет это как пророчество. Итак, книга письма, книга Откровения имеет начальные и конечные черты буквы.

Это указывает на намерение Иоанна написать письмо этим семи церквям в Малой Азии. Он также ясно называет свою работу пророчеством. Но первая глава в первом стихе также указывает на намерение Иоанна записать другой тип литературы, то есть он начинает с рассказа об откровении или апокалипсисе Иисуса Христа, слово откровение здесь происходит от греческого слова Апокалипсис или апокалипсис, которое Бог дал ему показать. его слугам, что должно вскоре произойти.

Теперь именно из этого стиха мы получаем ярлык апокалипсиса литературного жанра. Я сомневаюсь, что Джон использует здесь откровение или апокалипсис как обозначение жанра литературного типа, пришедшего гораздо позже. Но в то же время, называя это откровением Иисуса Христа, которое он показывает пророкам и Иоанну, Иоанн явно намеревается отнести эту книгу к литературному жанру литературы откровения.

Это следует воспринимать как откровение, божественное откровение Бога Иоанну. Но когда вы прочитаете остальную часть книги Откровения, особенно главы с 4 по 22, мы через мгновение увидим, что она на самом деле содержит большинство особенностей, типичных для группы писаний, которые мы теперь называем апокалипсисом или апокалиптической литературой. И мы начнем с этого.

Начнем рассматривать литературный жанр апокалипсис. Опять же, апокалипсис — это термин, который мы используем для описания этой группы писаний, которые имеют схожие черты, к которым, по-видимому, принадлежит Откровение и которые фактически получили свое название от первого стиха главы 1 Откровения, апокалипсиса или откровения Иисуса Христа. Но, как вы знаете, апокалипсис — это современный ярлык.

Это не обязательно тот, который использовался Джоном и первыми авторами для обозначения своих произведений. Но в то же время, очевидно, существует группа произведений, которые имеют узнаваемые сходства и схожие черты, и мы поговорим о том, что они из себя представляют. Итак, первый литературный тип — это так называемый апокалипсис, к которому, похоже, принадлежит Откровение.

Опять же, апокалипсис — это термин, который мы используем для описания группы произведений, написанных примерно в период с 200 г. до н.э. по 200 г. н.э. Такие произведения, как Даниил, книга Даниила в Ветхом Завете и книга Откровения в Новом Завете. И, кстати, многое из того, что я собираюсь сказать, применимо как к Даниилу, так и к книге Откровение, поскольку они, кажется, имеют одни и те же литературные особенности и принадлежат к одному и тому же литературному жанру.

Но в это время, примерно с 200 г. до н. э. по 200 г. н. э., были созданы и другие еврейские и христианские апокалипсисы, которые не включены в Ветхий Новый Завет. Как я уже упоминал ранее, вы можете найти английские переводы большинства этих документов, собранных в двухтомном труде Джеймса Чарльзворта под названием «Псевдеэпиграфы Ветхого Завета». Первый том содержит английский перевод большинства из этих апокалипсисов, сделанный различными учеными, или, если вы хотите найти их в Google, введите название апокалипсиса, и вы сможете найти английские переводы в Интернете.

Но что это такое, так это то, что апокалипсисы — это, по сути, повествовательные рассказы, повествовательные рассказы от первого лица, о визионерском опыте или откровенном опыте человеческого существа. И, получив этот откровенный опыт, теперь они дают повествовательный отчет или

отчет о том, что они видели. Иногда этот призрачный опыт принимает форму сна.

Мы находим это в Данииле. Иногда это настоящий призрачный транспорт. У человека возникает ощущение, будто он находится вне тела, когда Дух Божий переносит его в определенные места, чтобы увидеть разные вещи.

За всем этим часто стоит какой-то вид визионерского опыта, когда они видят вещи и теперь записывают их для этих видений на благо своей аудитории. Видения обычно представляют собой видения небесного мира. Иногда им снятся видения рая или ада, места суда.

Часто это также видения эсхатологических событий последнего времени. Вероятно, это самое популярное определение, которое я встречал, одно из самых полезных, с которыми я когда-либо сталкивался, но я нахожу его повторенным почти в каждой книге, почти в каждой книге, посвященной апокалиптической литературе, цитируется это определение или, по крайней мере, используется его как отправная точка. Это определение дал ученый по имени Джон Коллинз, который много работал над апокалиптической литературой, и именно так он определил апокалипсис.

Он говорит, что апокалипсис — это жанр откровенной литературы в рамках повествования, в котором откровение передается через потустороннее существо, обычно ангел, человеку-реципиенту, раскрывая трансцендентную реальность, которая одновременно временна, поскольку предполагает эсхатологическое спасение, и которая является пространственным, поскольку оно включает в себя другой сверхъестественный мир. Теперь позвольте мне еще раз раскрыть это определение. Позвольте мне сказать это еще раз, поскольку большинство из вас это слушают.

Апокалипсис — это жанр откровенной литературы, литературы, которая передает откровение в рамках повествования, в котором откровение передается через потустороннее существо, ангельское существо, человеческому получателю, раскрывая трансцендентную реальность, которая одновременно является временной, поскольку она предполагает эсхатологическую спасение и является пространственным, поскольку оно включает в себя другой сверхъестественный мир. Итак, позвольте мне кратко раскрыть это определение. Во-первых, в этом определении важно понимать, что апокалипсис — это запись откровения, полученного человеком.

Таким образом, человеком-реципиентом в нашем случае был бы Иоанн, но он был бы автором апокалипсиса, который получил опыт откровения главным образом посредством видения и теперь записывает это. Во-вторых, обратите внимание, что это повествование об этом рассказе. Таким образом, апокалиптическая литература в некотором смысле может рассматриваться как повествовательная литература.

Это повествование о том, что автор пережил и увидел благодаря этому откровению, этому опыту откровения. Третья важная часть этого определения заключается в том, что это откровение прежде всего касается трансцендентной перспективы. Это означает, что это прежде всего откровение о чем-то, что превосходит нынешний видимый земной мир.

Так что это своего рода необычный опыт. Сейчас мы увидим, что это не значит, что автор этого не делает, что этот мир неважен и это своего рода бегство в райскую реальность и райское существование. Это не совсем так, но это откровение мира и реальности, превосходящей физический мир, видимый человеческим глазом.

И поэтому единственный подходящий способ познать эту трансцендентную реальность — это открыть ее ему или ей. Итак, апокалипсис — это трансцендентная реальность. Он обеспечивает трансцендентную перспективу, открывая читателю, видящему, этому человеку-реципиенту, открывая его или ее этой трансцендентной реальности, которая, как мы увидим, предназначена для того, чтобы по-новому взглянуть на физическую земную реальность, которую они видят. жить в.

Таким образом, это не должно быть средством бегства, но оно предназначено для того, чтобы открыть их физический мир для понимания в свете этой трансцендентной реальности, этой трансцендентной перспективы, которую можно познать только через прямое откровение. Помимо откровения и этого визионерского опыта через другое сверхъестественное существо, это другое мирское существо, человеческие получатели просто не могли этого знать. У этой трансцендентной точки зрения есть две особенности.

Во-первых, в этом определении оно часто носит временный характер. То есть речь идет об эсхатологии или конце света. Другими словами, видение, превосходящее время.

Включение эсхатологической цели во временное русло выходит за рамки их времени, но оно также пространственно, поскольку пятая вещь — пространственная. То есть видение, трансцендентная перспектива обычно относится к небесному миру. Оно знакомит их с небесной реальностью, опять же с небесным миром, который невозможно увидеть просто человеческим восприятием.

Опять же, это означает, что апокалипсисы одновременно временны и пространственны и касаются не только будущего. Часто мы читаем такие книги, как Откровение или Даниила, только о будущих событиях, но они также предназначены для того, чтобы раскрыть другую реальность, другую перспективу, небесный мир, другой взгляд на реальность и жизнь. Мы еще поговорим об этом, но к этому определению апокалиптической литературы я хочу добавить еще две вещи: во-первых, является ли эта трансцендентная реальность временной, о будущем, но также и пространственно, о небесном мире, переданы и изложены весьма символическим языком.

Читая апокалипсисы, вы знаете, как они общаются посредством очень наглядных образов. Часто они используют образы животных. Часто они используют образы, которые иногда представляют собой комбинацию животных и людей, а также других вещей, которые демонстрируют довольно причудливые, порой, символы.

И Откровение также в первую очередь сообщает, возможно, даже одна из особенностей, которая, по мнению некоторых, даже более распространена в Откровении, чем в других апокалипсисах, — это количество символизма, которое можно найти в нем. Например, это 9-я глава Откровения, а главы 8 и 9 представляют собой рассказ в Откровении о видении автора об изливании семи чаш, и когда каждая чаша выливается на землю, что-то происходит. И обратите внимание в главе 9, обратите внимание на то, что автор видит в каком-то странном, это пятая излитая чаша, или, простите, пятая труба.

У меня есть труба и чаши. Чаши появятся позже. Это трубы.

Когда в главе 9 звучит пятая труба, что-то происходит, и выходит саранча, и я хочу, чтобы вы обратили внимание, как он описывает эту саранчу. Мы могли бы

поговорить об этом позже, но сейчас мне просто интересно, чтобы вы увидели символизм и графическую природу образов, а также то, как символы иногда соединяются способами, по крайней мере для нас, которые являются своего рода странные, хотя, возможно, первым читателям они не показались такими уж странными. Но в главе 9 пятый ангел вострубил, и я увидел звезду, упавшую с неба на землю.

Звезде был дан ключ от шахты бездны. Когда он открыл пропасть, из нее пошел дым, как дым из гигантской печи. Солнце и небо потемнело от дыма из бездны, и из дыма саранча спустилась на землю и получила силу, подобную силе земных скорпионов.

Им было сказано не причинять вреда земной траве или какому-либо растению или дереву, а только тем людям, которые не имели на челе печати Божией. Им не было дано власти убивать их, а только пытаться их в течение пяти месяцев, что было, пять месяцев, вероятно, было обычным образом жизни саранчи в то время в первом веке. И агония, которую они испытали, была подобна укусу скорпиона.

Итак, это саранча, которая может причинить вред людям и ужалить их так же, как это может сделать скорпион. Позвольте мне перейти к седьмому стиху, где они начинают описываться. Саранча похожа на лошадей, приготовленных к бою.

Теперь у вас есть саранча, похожая на лошадей. На головах у них было что-то вроде золотых венцов, а лица их были подобны человеческим лицам. Их волосы были похожи на женские волосы.

Их зубы были подобны львиным зубам. У них были нагрудники, подобные железным нагрудникам, и звук их крыльев был подобен звуку множества лошадей и колесниц, спешащих в бой. У них были хвосты, которые жалили, как скорпионы, и в их хвостах была сила мучить людей в течение пяти месяцев.

И был над ними царь, который был ангелом бездны. Итак, вот Иоанн, Иоанн увидел видение об этой саранче, но это определенно больше, чем просто саранча. У них есть хвосты, как у скорпионов, которые могут жалить и причинять вред.

Головы у них человеческие, с коронами на них, и лицо, как у мужчины, но волосы, как у женщины, и зубы, как у льва. Я имею в виду, что это за штука, на которую смотрит Джон? Что это такое он видит в своем видении? Но на данном этапе нашего обсуждения я хочу просто отметить графическую символику и описание символов и то, что Иоанн видит в своем видении. Итак, у вас есть земля, эта трансцендентная реальность эсхатологического будущего, во времени, а также небесный мир, переданный на высокосимволическом языке.

Второе, что я хотел бы добавить к этому определению, — это акцент на функции. Судя по всему, функция апокалипсисов состоит в том, чтобы одновременно утешать и увещевать Божий народ, основываясь на этой трансцендентной перспективе. Таким образом, предоставляя трансцендентный взгляд на реальность, апокалипсис способен мотивировать читателей к послушанию Богу и его слову.

Целью книги является утешение страдающих, а также призыв к Божьим читателям привести их в соответствие с тем, как Бог желает, чтобы жил Его народ. Другими словами, апокалипсисы, опять же, существуют не только для рассуждений о будущем и небесах, хотя иногда некоторые другие

апокалипсисы могут участвовать в чем-то из этого, но в первую очередь они предназначены для того, чтобы увещевать и утешать народ Божий. У них есть поучительная цель.

Когда дело доходит до понимания, апокалипсисов, если посмотреть немного больше на эту идею трансцендентной перспективы и на то, что делает апокалипсис, такой как Откровение, в основном то, что он делает, это то, что он затем функционирует, чтобы открыть настоящее для этой новой и трансцендентной перспективы. . То есть «Откровение» и другие апокалипсисы не должны быть просто фантастической литературой. Опять же, это не предназначено для побега.

Это не просто способ сбежать из этого мира, предложив райский альтернативный фэнтезийный мир, в который читатели могут сбежать. Но вместо этого оно призвано помочь читателям увидеть нынешний мир в новом свете. Когда они смотрят, как это делали многие апокалипсисы и столько же апокалипсисов предполагали, как читатели смотрели на свой эмпирический мир, где они часто находились в ситуациях иностранного господства, где некоторые из них могут быть угнетены иностранным господством, или, может быть, некоторые из них были элитой и шли на компромисс и участвовали в иностранном влиянии и иностранном правлении, апокалипсис заставил по-новому взглянуть на их эмпирический мир.

Когда они посмотрели на это, апокалипсис сказал: все не так, как кажется. То, что вы видите глазами в физическом мире, под иностранным правлением и т. д., все, что происходит в их ситуации, то, что вы видите, — это только часть истории. Это еще не все, что есть.

Что такое апокалипсис, есть ли реальность, которая лежит за пределами того, что вы видите, но которая связана с ним и влияет на него, и поможет вам увидеть его, отреагировать на него и жить в нем в новом свете. Откровение, которое можно познать только, или, простите, реальность, перспектива, которую можно познать только через божественное откровение. Итак, снова апокалипсис раскрывает трансцендентную реальность будущего и небесного мира, которая формирует то, как автор или как читатели должны смотреть на свой нынешний мир.

Открывая свой настоящий мир, который они видят эмпирически и переживают эмпирически, открывая его трансцендентной перспективе, небесной реальности, которая лежит за ним, но влияет на него, и будущего, в котором читатель затем сможет увидеть свое настоящее в новом свете. Я часто сравниваю это с просмотром спектакля. Если вам когда-нибудь приходилось смотреть спектакль или спектакль, будь то школьный или более профессиональный, обычно вы видите только то, что происходит на сцене.

Вы видите, как актеры играют и взаимодействуют друг с другом, и смотрите историю до самого финала. Иногда вы не видите того, что происходит за кулисами, что заставляет пьесу работать. Вы не видите менеджера и режиссеров, вы не видите техников, которые работают над освещением, вы не видите реквизиторов и костюмеров, которые работают над тем, чтобы этот спектакль сработал.

Все, что вы видите, это игра. Если бы вы подняли занавес и смогли заглянуть за кулисы, вы могли бы найти все, что заставляет эту пьесу работать, и все, что помогает понять смысл этой пьесы. Пьеса может иметь собственный смысл, но вы увидите, как она работает и привела к ее осуществлению.

В каком-то смысле Апокалипсис делает это. Он приподнимает завесу за историей и земной реальностью, чтобы открыть вам небесную реальность и будущее, которое имеет смысл того, что происходит в настоящем. В свете этого знания о небесном мире и будущем, которое становится доступным только через божественное откровение, читатели теперь могут увидеть свою ситуацию в новом свете.

Опять же, эмпирически то, что они видят в своем мире, — это еще не все, что есть. За этим стоит другая реальность, которая помогает им увидеть это в новом свете. И Даниил, и Откровение написаны в контексте борьбы за то, чтобы прожить жизнь в языческой среде и под властью языческой империи, где некоторые на самом деле являются объектами угнетения и страдают, но другие идут на компромисс и готовы участвовать в этом языческом господстве. и языческая империя и система.

То, что делает Даниил и Откровение, то, что они делают, представляет собой трансцендентную перспективу, открывает восприятие читателя, чтобы он мог увидеть небесную реальность и будущее, которые должны определить, как они реагируют на свою ситуацию в настоящем. Вот что делает Апокалипсис. Опять же, Откровение, насколько я понимаю, пытается помочь читателям, живущим в первом веке, как я покажу позже, живущим в Римской империи первого века, где доминировал Рим.

Когда они смотрят эмпирически, они видят императора, восседающего на престоле, они видят римское господство, они видят все хорошее, что Рим сделал для мира, но Иоанн в Откровении говорит: позвольте мне показать вам другую перспективу. Позвольте мне представить небесную и эсхатологическую перспективу того, что вы видите, чтобы вы могли отреагировать на это и жить в этом в новом свете. В качестве пророчества, второй литературной особенности

Откровения, о которой мы не будем много говорить, мы обсудили пророческую литературу в связи с пророчествами Ветхого Завета, но как пророчество, Откровение тогда, в соответствии с ветхозаветными пророками, и когда Если вы внимательно читаете Откровение, Иоанн утверждает, что пишет в традиции и в соответствии с ветхозаветными пророчествами прошлого, такими как Исая, Иезекииль и Иеремия.

Он берет большую часть их сочинений и теперь использует их и интегрирует в свою собственную работу. Итак, Откровение как пророчество, как и ветхозаветные пророческие тексты, в первую очередь, я так понимаю, является предсказанием, или предсказанием, а не просто, или не в первую очередь предсказанием. То есть книга Откровение как пророчество — это провозглашение послания современным читателям, которое поможет им справиться со своей ситуацией.

Это призыв к людям серьезно относиться к своим отношениям с Иисусом Христом и призыв к читателям следовать за Иисусом Христом, невзирая на последствия, а не просто предсказание событий, которые произойдут в будущем. Любой подход к Откровению, исходящий из того, что это предсказание будущих событий, предполагает неправильное понимание его литературного типа. Это пророчество.

То есть, это провозглашение послания от Бога, от Иисуса Христа Своему народу, чтобы заставить их следовать за Иисусом Христом в послушании, независимо от последствий. Итак, это сообщение об их ситуации. Но также, как и у пророков Ветхого Завета, это послание уходит корнями в историю.

Опять же, это не литература -фэнтези , но, как бы она ни была укоренена в символическом языке в этой небесной перспективе, она все равно о положении

читателя в данном историческом контексте и исторической ситуации. Итак, мы должны ожидать, что Откровение будет относиться к реальным событиям, реальным людям, реальным местам в первом веке, но также и в будущем, как бы символически и метафорически это ни описывалось. И, наконец, мы уже говорили, что книга Откровение – это тоже письмо.

Оно явно начинается как письмо. Очевидно, оно заканчивается так же, как одно из писем Павла. Это даже вполне возможно, возможно автор, учитывая значение посланий Павла в Малой Азии и греко-римском мире первого века, учитывая значение посланий Павла в церквях первого века, возможно автор в каком-то смысле подражает Павлу в формате своего письма из-за той важности, которую это сыграло.

Но, по крайней мере, сказав, что это означает как письмо, если мы воспринимаем это всерьез как письмо, а я думаю, что нам следует это делать, это означает, что Откровение столь же случайно, как и любое из писем Павла. То есть мы должны понимать Откровение в свете исторического контекста и историко-культурного контекста, который стал причиной написания этого письма и записи этого апокалипсиса для читателей. Мы должны читать его в свете конкретных проблем, которые оно затрагивало, и мы должны рассматривать Откровение как ответ на очень конкретные ситуации, обстоятельства и проблемы первого века, точно так же, как и письма Павла, так же, как и письма Петра. или столько же, сколько было в письме Иакова.

К сожалению, большинство игнорирует эту особенность книги Откровение, которая коренит ее в ее первоначальном историческом контексте, но я бы сказал, что нам нужно отнестись к ней серьезно. Итак, что это означает для толкования книги Откровения? И я просто хочу выделить несколько принципов, которые, по моему мнению, вытекают из литературного жанра и которые

должны направлять нас при его чтении, и многое из того, что я собираюсь сказать, также применимо к единственному другому каноническому апокалипсису, и это это книга Даниила. И, кстати, еще раз в качестве отступления: я знаю, что у меня их много на лекциях, но в качестве еще одного важно понимать, что, хотя в Новом и Ветхом Завете могут быть и другие книги, включающие апокалиптические Типичный язык, на самом деле Даниил и Откровение — единственные истинные апокалипсисы, которые записывают реальный визионерский опыт читателя.

Другие места, такие как Евангелие от Матфея 24 и 25, или другие тексты, которые называются апокалиптическими, в каком-то смысле таковыми не являются, потому что они на самом деле не отражают визионерский опыт автора, хотя и могут включать в себя эсхатологический язык или язык апокалиптического типа. Иезекииль – это еще один текст, который, по моему мнению, наиболее явно напоминает апокалипсис, особенно главы с 40 по 48, которые ясно отражают визионерский опыт автора. Сам Иоанн во многом опирается на Иезекииля, вероятно, по этой причине.

Но многое из того, что я собираюсь сказать, может быть применимо и к Даниилу, но в первую очередь оно будет сосредоточено на толковании книги Откровения. Но первое, что следует отметить, что, по моему мнению, ясно вытекает из того типа литературы, которым является Откровение как апокалипсис, — это то, что мы должны быть внимательны к символике Откровения. Итак, Откровение делает это, и Даниил тоже, но Откровение, как мы уже сказали, относится к реальным событиям и реальным людям.

Я бы сказал, что в нем описаны реальные события, произошедшие в первом веке. Опять же, Откровение пытается разобраться в собственной ситуации читателя. Но это также относится и к реальным событиям, которые произойдут в

будущем, особенно в эсхатологическом будущем, на завершающем этапе истории.

Но описывая реальные события, он описывает их метафорическим и символическим языком. Оно не описывает их буквально. Чтение Откровения не похоже на просмотр документального фильма новостей CNN или документального фильма BBC о каком-то мировом событии.

Но вместо этого это больше похоже на рассматривание картины или художественного впечатления. Откровение, опять же, сообщается символически. Оно относится к реальным событиям, но относится к этим событиям через символы и образы, а не буквально.

Вероятно, это самая близкая аналогия, современная аналогия, с Откровением, и опять же, это не оригинально для меня, я нашел это в нескольких работах, но мне показалось полезным, то есть сравнить Откровение с политической карикатурой. Политическая карикатура, если вы когда-либо ее читали, политическая карикатура представляет собой комментарий к реальным историческим событиям, политическим событиям и личностям и относится к ним. Но когда вы читаете политическую карикатуру, вы заметите, что в ней используются графические символы и изображения, а иногда и преувеличения и карикатуры, чтобы донести свою мысль.

Вместо простого абзаца прозы, повествования о том, что происходит в политике, прямого описания, политическая карикатура является более эффективным способом донести определенный взгляд на политическую ситуацию. И иногда изображения даже, иногда изображения — это стандартные изображения, и мы знаем, что они означают. Итак, по крайней мере, в Соединенных Штатах, в контексте Соединенных Штатов Америки и их

политической системы, если вы читаете политическую карикатуру и видите орла, вы знаете, что это символизирует Соединенные Штаты Америки.

Если вы видите осла или слона, это не относится к животным в буквальном смысле слова, они символизируют две политические партии, республиканцев и демократов. Итак, даже когда в политической карикатуре изображаются физические лица, они часто преувеличены и карикатурны, так что вы как бы уловили суть и можете определить, кто они. Итак, суть политических карикатур в том, что, хотя они относятся к реальным историческим событиям, вещам, происходящим в истории и во времени, автор описывает их очень наглядным и символическим языком, чтобы вы уловили суть и увидели ее по-новому. свет.

Вот что делает откровение. Откровение, как и политическая карикатура, представляет собой комментарий к историческим событиям, вещам, происходящим в те дни, когда читатель, и вещам, которые произойдут в будущем, но изображая их весьма наглядным, символическим языком, чтобы читатели поняли суть. как бы пролить новый свет на ситуацию, повлиять на них не только интеллектуально, но эстетически и эмоционально, чтобы они отреагировали по-другому. Меня воспитали, поэтому откровение передается символически, и это очень важно.

Я вырос в контексте, в котором говорилось, что откровение нужно интерпретировать буквально, если только нет действительно веской причины не делать этого. Это следует перевернуть с ног на голову, и в свете того, что такое литературное откровение, я думаю, лучше интерпретировать откровение символически, если только нет действительно веской причины не делать этого. Итак, прежде всего, это необходимость разобраться с символикой.

На следующем занятии мы рассмотрим это немного подробнее и приведем несколько примеров и иллюстраций того, как будет работать символическая интерпретация откровения, как функционируют символы, что они делают и как нам следует их читать.